

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Тени южных скал / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210600-2

На оккупированной немцами территории Крыма запланирована масштабная партизанская акция. Несколько групп должны одновременно взорвать коммуникации фашистов и тем самым помешать им собрать в кулак свои силы. Но в последний момент с одним из отрядов пропадает связь. Выяснить судьбу «замолчавшего» подразделения поручено опытному разведчику капитану Глебу Шубину. Он переходит линию фронта и сталкивается с девушками из пропавшего отряда, которые, как выясняется, тоже не знают, что произошло с их товарищами. Шубин организует расследование, результаты которого серьезно настораживают советское командование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210600-2

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

— Эй, люди! Выходите, свои! Э-ге-гей! — Гринька Ломакин, рядовой стрелковой роты, голосил во всё горло так, что его слова разносились по коротким деревенским улочкам. Шустрый парень с мосинкой на плече, перемазанный гарью от пороховых газов после нескольких часов атаки, колотил по забору, заглядывал за частокол, пытался высмотреть в темных окнах домов лица.

Пожилой солдат, что шел с краю строя красноармейцев, буркнул:

— Угомонись, Григорий. Если фрицы внутри засели? В подполье али на чердаке. Саданут шрапнелью по роже.

— Да какие фрицы, дядя Митя! — Нетерпеливый солдат кинулся к очередному дому. — Ты же сам их только что гнал три версты вперед, у них аж пятки сверкали. — Грязный сапог поддел валяющийся на дороге шлем. — Вот, шапки свои растеряли! Кому надо под котелок?

Идущий в конце строя офицер нахмурился:

— Рядовой Ломакин, вернуться в строй! Наступление не закончено, враг в опасной близости. Не терять бдительности.

Гринька оторвал недоуменный взгляд от очередного двора, кинулся поближе к ротному, молодому лейтенанту Осипчуку:

— Товарищ командир, а где все-то? Народ где?

Со всех сторон раздались смешки старших товарищей-пехотинцев:

— Ишь ты, Григорий, оркестр тебе, может, надоть?

— Ломакин, так и скажи, что высматриваешь девчат красивых вперед всех!

— Ты ж как черт грязный, Гришка, вот и разбежались от тебя подальше!

— Чего-о-о? — обиженно протянул Ломакин, одернул форму, покрытую слоем пыли, размазал рукавом по лицу пороховую черноту. — Мне бы только умыться — и буду настоящий воин! Победитель!

Его товарищи не смогли сдержать улыбки. Они действительно были победителями: в составе дивизии их рота только что освободила квадрат, который был долго оккупирован армией вермахта; бой шел долго, перестрелка началась с рассветом, а стихла лишь ближе к вечеру. Враг долго сопро-

тивлялся, но советские бойцы упрямо метр за метром шли вперед. Наконец, к вечеру офицеры вермахта дрогнули, перекрестный огонь стал одиночным, а потом и вовсе стих: немцы отступили. Победители вошли в деревню, рядом с которой шло многочасовое изматывающее столкновение.

Красноармейцы, едва живые от усталости, с черными пятнами гари на форме, грязными лицами, размеренно шли по улицам деревушки. Строй двигался без спешки, солдаты и офицеры были обессилены от жажды, голода, тяжелого наступления под вражескими пулями. Хотя всё же они переглядывались между собой, и неугомонный Гришка Ломакин вслух выразил общее недоумение: где все жители деревни?

В других освобожденных городках, поселках, аулах, часто разрушенных до руин, их мгновенно окружали местные. Люди благодарили, плакали, обнимали своих освободителей; каждый хотел прикоснуться к ним, чтобы удостовериться: это не сон, на оккупированную землю пришло освобождение от многолетнего кошмара войны. Солдат облепляли ребятишки, выскивая среди одинаковых фигур в грязной, окровавленной форме родное лицо отца, брата или деда; старики с тревогой расспрашивали о своих сыновьях, не видели ли их, не встречали ли

во время боев; женщины робко протягивали скудное угощение — последние зерна залежалой пшеницы, лепешки из смеси коры и картофельной кожуры. Встреча победителей была всегда радостной и в то же время грустной, полной боли за тех, кто не дожил до радостного дня такой долгожданной победы.

Только не в этом поселке... Их никто не встречал, не высматривал осторожно из-за заборов или через закопченные стекла окошек, кто же идет по дороге между добротных изб.

Командир не выдержал и остановил свой отряд: — Стой, смирно! Тихо слишком, не нравится мне это. Надо проверить дома, вдруг там немцы засаду приготовили.

Бойцы послушно остановились, настороженно принялись озираться по сторонам, высматривая, нет ли кого во дворах или в избах. Если прав лейтенант, то торчат они всей ротой прямо под прицелами германских стрелков. Осипчук охрипшим голосом приказал:

— Объединяемся по два человека и обыскиваем каждый дом. Вперед! Оружие наготове!

Бойцы сняли по его приказу мосинки, ППШ с ремней, выставили стволы перед собой, чтобы быть готовыми ответить на атаку германских сил.

Пожилой Митяй вместе с живчиком Гришкой двинулись первыми к большому зданию, которое было раньше, скорее всего, местной школой либо Домом культуры с библиотекой: большая площадка перед крыльцом, широкие окна, добротная крыша и просторный вход. Опытный солдат остановил юношу, который кинулся со всех ног к крыльцу:

— Тише, Гринька. Не торопись, надо подобрать сбоку.

— Да, дядь Митяй, сейчас флаг на крыше воткну — и все повывезут! — Радостного рядового не пугала тишина в населенном пункте. Он служил совсем недавно и еще не выучил одного из главных правил фронта: тишина всегда означает, что скоро начнется атака, шквальный огонь или бомбардировка. Поэтому шустрый Гришка ринулся с флагом наперевес к большому дереву, что росло у стены здания. Он не обращал внимания на крики пожилого товарища:

— Куда ты, сдай назад, пострел! А если фриц с винтовкой!

— Не робей, дядь Митяй. — Один ловкий прыжок — и кирзовые сапоги застучали по железной крыше. — Нет здесь немцев, давно бы уже стрелять начали! Боятся местные, не поняли еще, что свои пришли! Увидят красный флаг и сразу выскочат!

Красное полотнище взметнулось на ветру, потянулось алым шелком над крышей. А Гринька закричал во все горло, приставив черные ладони ко рту, словно рупор:

— Э-ге-ге-гей! Люди-и-и! Выходи! Победа! Красная армия победила! Немцев нет! Победа!

Внезапно крик его оборвался на полуслове, юноша захрипел и ткнул пальцем куда-то вдаль.

— Чего там? Немцы? Уходи вниз!

Опытный Митяй схватился за автомат, вскинул ствол. Его товарищ уже скатился по крыше вниз, упал на бок, вскочил и тут же бросился бежать по улице к окраине деревни. Пожилой солдат заспешил за Гринькой, следом кинулся и лейтенант Осипчук. Стрелковая рота бежала всё быстрее и быстрее, не понимая, что там впереди увидел глазастый юноша.

А тот вдруг, не останавливаясь ни на секунду, сиганул в широкий овраг у дороги. Подоспевшие следом солдаты замерли в ужасе от картины под ногами. До самого верха ров был полон трупов: старики, женщины, прижимающие к себе детей, крошечные тельца ребятишек; трупы в обмотках громоздились друг на друге, торчали в разные стороны стылыми конечностями; их одежда, кожа, земля на скатах оврага были покрыты потоками крови.

Гришка в общей могиле хватал за плечи мертвецов, тянул торчащие руки, пытался поднять тела наверх, растерянно бормоча:

— Как же? Они же теплые. Живые, живые, наверное. Ранило. Надо спасти, в госпиталь надо.

Его не останавливали, красноармейцы замерли, потрясенные жутким зрелищем. Немцы во время отступления расстреляли всех мирных жителей и скинули тела в ров, не пощадив никого.

Похороны убитых людей шли всю ночь. До кровавых мозолей солдаты копали могилы, осматривали тела, чтобы найти хоть какие-то документы и сделать надписи на памятной табличке. Гитлеровцы выгоняли людей из домов без одежды и обуви, не давая захватить с собой личные вещи, поэтому на широкой погребальной доске появилось лишь несколько цифр и слов: «8 февраля 1944 года здесь 482 жителя деревни Асеевки были зверски убиты немецкими извергами».

Когда страшная работа была закончена, солдаты никуда не ушли — они всё так же стояли у огромной братской могилы. Боль и ненависть к убийцам давили так, что бойцы позабыли об усталости и о голоде. Молодой лейтенант Осипчук выпрямился во весь рост, его разбухшие

после многочасовой работы пальцы сжались в кулаки, голос хрипел от ярости:

— Солдаты, бойцы! Помните об этом кошмаре, когда будете идти в атаку. Каждый должен отомстить за этих невинных людей — убить такое же количество врагов! Ни шагу назад, пленных не брать, действовать без жалости и страха! Только месть, только смерть проклятым гитлеровцам!

ГЛАВА 1

Тяжелая трубка полевого телефона холодила ухо, генералу Йенеке казалось, что он прижимает к голове ледяной камень, от которого по затылку расплзается неприятное ощущение. И от голоса, который раздавался из черных крошечных дырочек, тоже пробегал озноб по коже. Эрвин Йенеке ждал этого разговора и в то же время боялся услышать знакомый резкий голос. Сам фюрер великого германского рейха, Адольф Гитлер, связался с ним, чтобы обсудить положение дел на Крымском плацдарме. Красная армия ежедневно теснила 17-ю полевую армию Гитлера, отвоевывала медленно, по километру оккупированную землю полуострова Крым, несмотря на мощную линию обороны. И Эрвин точно знал, что фюрера не устраивают почти ежедневные мелкие проигрыши. Южный фронт оставался последним оплотом могущественной армии вермахта, а по-

сле Сталинградского котла — единственной надеждой на возвращение былой силы. Правда, сейчас эта надежда на захват преимущества в многолетнем противостоянии легла на плечи генерала тяжелым грузом. Ответственность давила, напоминала о том кошмаре, что он пережил под Сталинградом, где Йенеке получил ранение и откуда был поспешно эвакуирован.

— Мой фюрер.

Йенеке почувствовал, как в груди ширится колючий ком страха. Все генералы вермахта знали резкий нрав Гитлера и его внезапные перепады настроения. Иногда хватало одного неосторожного слова, чтобы Адольф Гитлер пришел в дикую ярость. Поэтому Эрвин произнес приветствие и замолчал, пытаясь понять, в каком настроении его вождь.

— Йенеке, — прозвенел высокий голос в ухе генерала. — Крымский мешок должен быть развязан! Я приказываю вам начать наступление, а не пятиться постоянно от Красной армии. Это же необразованные босяки без оружия и техники и без умения вести войну. Все их победы — случайность! К вам будет направлена танковая дивизия, а также силы люфтваффе, чтобы нанести одновременные встречные удары с Никопольского плацдарма и из Крыма. Вы будете командо-

вать новой операцией, возглавите объединенный штаб! Я знаю, что вы преданы нашему делу, поэтому обязаны удержать плацдарм любой ценой. Адмирал Канарис доложил, что, по последним сведениям абвера, русские планируют использовать полуостров как аэродром для своих бомбардировщиков. Вы понимаете, что это значит, Йенеке?

Генерал осторожно предположил:

— Советские самолеты смогут с полуострова атаковать нефтяную базу в Румынии?

— Вы инженер, генерал Йенеке, и понимаете, что это станет катастрофой для нашей техники и армии. Техника — это наша сила! Величие Германии — в наших танках, машинах, артиллерии!.. Что вы молчите, Йенеке, вы не согласны со мной?! — В голосе Адольфа Гитлера усилились визгливые нотки — признак начинающегося приступа ярости.

— Конечно, мой фюрер, вы абсолютно правы! — Йенеке прикрыл глаза и медленно, будто во сне, проговорил то, что вынашивал уже десятки дней. Ему было безумно страшно высказывать вслух мысли, которые мучили его уже которую ночь. И он даже подозревал, что Гитлер не прислушается к его словам, но ради собственной жизни надо попытаться остановить этот

ад. — Я инженер, и я генерал вермахта, я часть вашей армии, мой фюрер. И, как командующий Южным фронтом, настаиваю на эвакуации войск с Крымского плацдарма. Наши силы слабы, техники не хватает, чтобы оказать должное сопротивление русским. Мы не можем сдерживать растущее сопротивление Красной армии, каждый день мы теряем десятки километров наших территорий.

Гитлер нетерпеливо прервал неприятную для него речь, он уже почти кричал:

— К вам будет направлено подкрепление! Крым должен остаться нашим во что бы то ни стало! Это приказ моему преданному генералу, а не инженеру! Иначе я буду сомневаться в вашей преданности рейху, Йенеке! Выполняйте приказ!

— Да, мой фюрер, — покорно сказал Эрвин.

Он понимал, что сейчас лучше не спорить, командующий армией вермахта не услышит, вернее не хочет слышать, аргументы, призывающие к отступлению. Даже малейшее упоминание о капитуляции на крымской территории вызвало у Гитлера приступ раздражения. Пришлось оборвать сложный разговор и согласиться с приказом о подготовке наступательной операции. Хотя внутренне генерал Йенеке переговоры не закончил. Мысленно он всё еще говорил, убеждал,

приводил доказательства, что сопротивление набирающей силу Красной армии опасно и бессмысленно: «В Крымском мешке германскую армию ждет поражение, смерть, как в Сталинградском котле. Но с тем отличием, что под Сталинградом было стремительное наступление русских, а на полуострове немецкие части ждет медленная смерть. По капле, по километру русские выдавливают нас с этой части страны, они, как и мы, копят силы для мощного удара, третьего удара Сталина. Уже были Ленинград, Днепр... Красная армия одержала там победу, следующим рубежом будет юг бывшей территории СССР, выход к морю. Это развяжет руки Черноморскому флоту, он тоже будет участвовать в ежедневных атаках. Здесь, на южном полуострове, нас ждет смерть, верная смерть». От жуткой мысли генерал вздрогнул, вскочил и заметался по кабинету. Как же он устал от этой войны, длинной, изматывающей, а вовсе не стремительной, как рассчитывал фюрер. Сейчас бы вернуться домой, в родной Фререн! С отвращением генерал инженерных войск Йенеке взглянул на серое небо за окном, из которого сыпалась днем и ночью бесконечная ледяная морось. Постоянный холод от слишком влажного воздуха был ужасен, от сырости плесневела форма, ныл застарелый артрит в колене,

а форменный китель неприятно облипал измученное тело влажным коконом. Иногда Йенеке казалось, что от ледяной влаги вязкого крымского климата его тело будто проржавело насквозь.

После тяжелого разговора с фюрером пожилой генерал отер бисеринки пота со лба и склонился над столом, заваленным бумагами. Если фюрер отказывается прислушаться к его словам, то надо найти путь самому выбраться живым из этого смертельного мешка. Он не может умереть здесь, на чужой земле, вдалеке от своей родины. Приказ фюрера, слава вермахта, мировая власть — всё это лишь слова. А вот его ноющее колено и острая тоска по родине мучат каждый день. Эрвин не замечал, как в глубокой задумчивости качает головой — нет, он не хочет быть генералом арийской империи, потому что тогда он будет мертвым генералом. Он уже стар и хочет вести жизнь обычного инженера на пенсии в своем доме в пригороде Фререна, а погоны, кресты и почетные похороны после очередной победы русских пускай достанутся другим.

Командующий четырьмя фронтами генерал РККА Федор Иванович Толбухин кивал в такт резким словам, звучавшим из черной эбонитовой трубки телефона:

— Вернуть полуостров в состав СССР! Гитлер с 17-й армией засел у нас в тылу, в глубине Крыма. Сражение на Южном плацдарме — это будет наш следующий удар после Карпатской операции. Вам поручено в кратчайшие сроки подготовиться к прорыву. Крым и Черное море должны стать нашими во что бы то ни стало!

— Есть, товарищ главнокомандующий. Приказ будет выполнен, товарищ Сталин, все силы сейчас брошены на одесско-крымское направление. К полуострову через Сивашский залив возводится переправа, по ней пойдет тяжелая техника. Артиллерия, пехота уже передислоцированы с материка на новый плацдарм с помощью плавсредств своими силами. Черноморский флот держит под контролем нашу часть побережья!

— Федор Иванович, перед тем как затевать драку, надо знать, куда бить кулаком. Уж ты, опытный командир, знаешь это, как никто. По стратегии наступления готов доложить? Завтра за тобой прилетит самолет из Москвы, доложишь в Ставке ВГК о запланированной операции.

— Есть, товарищ главнокомандующий. Сегодня же проведу совещание с командирами подразделений, чтобы собрали сведения по немецким позициям. К докладу готов!

— Жду, Федор Иванович. Крым для нас важен, он открывает выход в Черное море, освободит базу для флота. Собирай информацию, готовь операцию и действуй.

Генерал Толбухин после разговора с главным командующим Красной армии нахмурил брови, кликнул ординарца:

— Сообщи во все подразделения. Командирам частей от полков до корпусов сегодня вечером прибыть на совещание в штаб армии.

На совещание к генералу в сторону главного штаба тронулись грузовики с офицерами, командирами воинских частей. К вечеру временный командный пункт в бывшем здании техникума был полон людей. Мужчины в военной форме, с орденами на груди, погонами высоких чинов обсуждали новости с фронта, делились, как удалось разместить подчиненный им личный состав на новом плацдарме. Притихшими голосами обсуждали поспешность сбора, ведь неспроста генералу понадобилось провести общее совещание командующих армейскими частями.

Гудящая толпа затихла, стоило только генералу Толбухину войти в зал. Как один человек вытянулись десятки мужчин в военной форме, разом повернули головы к командующему фронтом. Тот обвел взглядом своих офицеров,

штабных и фронтовых, давно и преданно служащих Родине. Это его армия, мощная сила, ведь за каждым из мужчин с бравой выправкой стоят тысячи бойцов, которые без промедления исполняют приказ командующего — отдадут жизнь, пойдут под пули врага. Его рядовые и офицеры готовы на всё ради победы над Гитлером и его армией, ради освобождения родной земли!

Он скомандовал «Вольно», встал перед картой и начал свой доклад. После генерала пришла очередь докладывать командирам корпусов, отдельных подразделений. Говорили долго, обсуждали, иногда доходя до жарких споров. Совещание продлилось всю ночь, ординарцы и его помощники то и дело выносили из комнаты пустые стаканы со спитой заваркой и пепельницы, густо утыканные окурками. Утром генерал Толбухин не стал отдыхать, лишь собрал бумаги и записи, которые успел сделать во время встречи с командирами частей, переделся в парадный мундир и приказал ординарцу: «Готовь машину, едем к аэродрому!» Ему не докладывали, но военный точно знал: там уже ждет транспортный «Як». Строгая военная дисциплина — основа устава Красной армии, и касается она каждого, будь то солдат или генерал.

Возвращались по разбитой дороге в свои части командиры уже под утро, хотя даже тяжелая ночь не заставила закаленных военными буднями мужчин уснуть. Теперь они вполголоса обсуждали то, что слышали в штабе, примеряли новые планы к своей дивизии или корпусу, размышляли, как еще ускорить усиление своих позиций и передислокацию частей армии. Подготовка к новому прорыву всегда требует информации о германских планах: только так можно выстроить верную стратегию атаки и выставить дополнительные силы на нужных позициях.

Командир 16-го укрепрайона капитан Пархоменко объяснял своему фронтовому товарищу Белкину, полк которого расположился на границе военных действий с германскими частями:

— Строим! День и ночь строим переправу через залив. Дмитровка вся гудит: тащат, стучат, роют! Переправу навели, причал, ветку мостим по воде прямо через залив.

— По воде?! — ахнул майор Белкин. Комдив был старше молодого капитана, прослужил всю свою жизнь в пехотных войсках, и изобретения инженерии, с которыми не приходилось сталкиваться, удивили его до глубины души.

— Вот именно, придумали же. Считай, бери да клади! И ветку старую разобрали, материал

есть, руки есть! У меня люди в землянках живут, домов не хватает, вот какое хозяйство. — С досадой стукнул себя по колену Пархоменко. — А погода видел какая? Дождь, снег, на море шторм! Волны в три человека ростом. Мы строим, а ветер рушит. Сутками с ним боремся, с морем, с ветром. Нам выделили средства воевать с немцами, а мы против Сиваша стоим. У меня в ледяной каше по шею люди сутками работают. На себе тащат орудия, боеприпасы вместо лошадей, а лодки и катера назад сносит шторм, как букашек каких-то. Эх, слишком медленно всё идет! Нам бы поскорее тепло: при хорошей погоде мостить в разы легче.

Его собеседник тоже пожаловался в ответ:

— А у нас партизанский отряд пропал! — Он покосился на остальных офицеров, нет ли особистов, чтобы не обвинили в разглашении секретных сведений. — По линии «Д» работали! Мне в подчинение передали партизанские отряды на лесных массивах, большие соединения в сотни человек. Они должны были провести диверсии — подрывы германских коммуникаций. Всё налажено было, не первый раз такое проворачивали. С самолета снабдили их боеприпасами, взорвали, доложили. А второй отряд, который действовал возле поселка Борун, пропал и на связь не выхо-